

DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.003

РЕФЛЕКСЫ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ «ЧЕЛОВЕК, МУЖЧИНА» В АНГЛИЙСКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Э.Т. Гутиева

Количество рефлексов общеиндоевропейского корня **dhg'həmo-/*dhg'homo-* «человек, мужчина» увеличивается по мере увеличения глубины диахронического анализа практически всех языков индоевропейской семьи языков. На более ранних этапах исторического развития рефлексов его было больше, семантика их была более общей, деривационный потенциал выше. В силу комплекса языковых и экстралингвистических причин они претерпевали семантические изменения, редукцию лексической сочетаемости, ослабление связей с однокоренными словами, утрату продуктивности, превращение в отдельные словообразовательные элементы. Корень являлся частью общегерманского лексического фонда, что зафиксировано письменными памятниками северо- и западногерманских языков. Особенно показательным является то, что сохранению корня в английском языке не способствовало многолетнее влияние французского, представителя романской группы языков, в которой основной номинацией «мужчина», «человек» являются производными именно данного корня. Также не имело место и заимствование французских когнатов. Отсутствие его видимых рефлексов на современной стадии не означает его полной элиминации. Корень **guthō* в английском языке сохранился в составе композита *bridegroom*, опознание которого затрудняет эпентетический согласный *-r-*. Аналогичным образом в осетинском языке корень, потеряв способность к самостоятельному употреблению, также мог сохраниться в композитных образованиях. Ревизия слов, номинирующих человека, мужчину, позволяет считать возможными рефлексам корня элементы, сохранившиеся в композитных образованиях: *(нæл)гоймаг, сылгоймаг, фæсгоймаг, удгойма, хургом*. Кроме того, нам представляется, что могла иметь место и ревитализация данного корня, который на современном этапе стал использоваться в качестве гендернонейтральной единицы «человек, лицо, личность».

Ключевые слова: мужчина, человек, осетинский язык, английский язык, этимон, композит.

Для цитирования: Гутиева Э.Т. Рефлексы общеиндоевропейского корня «человек, мужчина» в английском и осетинском языках // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 50 (89). С.58-71. DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.003

Антропоцентричность – естественное, имманентное и перманентное качество, состояние, пространство языка, неизбежно проявляется на всех уровнях и очевиднее всего при анализе лексического материала, и если «почти в каждом слове можно обнаружить следы человека» [1, 3], то очевиднее всего они обнаруживаются в словах с прямой номинацией «человек, мужчина».

Общеиндоевропейские по происхождению данные лексемы в определенных группах языков различаются по степени своей семантической, фразеологической и синтагматической активности, то есть обнаруживаются лингвоспецифичность и этноизбирательность при ранжировании единиц этой лексико-семантической группы. Через стадию множественности и вариативности обозначений челове-

ка-мужчины в древних языках слова, номинирующие «человека, мужчину», подвергаются либо семантическому сужению и специализации, либо устареванию и ликвидации. Возрастает внутригрупповая конкуренция между словами, что способствует интенсивной семантической конвергенции одних и выборочной элиминации, селективной архаизации других.

Ранжирование лексем внутри синонимического ряда или лексико-семантической группы является следствием ряда причин. По всей вероятности, чем «центральнее» лексема, тем более глубокие и комплексные мотивы обуславливают ее существование.

В этой связи представляется, что судьба индоевропейских лексем, предцирующих «человека, мужчину», тем менее определяется набором случайностей в силу центральности номинируемого и его социальной значимости.

Протокорень **dhg'həmo-/* dhg'həmo-* представлен во многих языках индоевропейской семьи, к нему восходят как слова, обозначающие человека, так и слова, обозначающие землю. В романских языках рефлексy корня **dhg'həmo-/*dhg'həmo-* являются основной номинацией «мужчина», «человек».

В румынском и молдавском *om* – является амбивалентным и предцирует и «человека», и, наряду с *bărbat*, «мужчину». Тогда как практически во всех языках этой группы имело место дублетное развитие данного корня, образовавшего паронимические пары «мужчина»: французское *homme*, испанское *hombre*, португальское *homem*,

итальянское *uomo*, каталонское *home*; и «человек»: французское *humain*, испанское *humano*, португальское *humano*, итальянское *umano*, каталонское *humà*. Слово *human*, как указано в «Словаре происхождения слов», восходит к французскому *humain*, использовалось при описании людей как земных смертных существ в отличие от бессмертных богов [2, 289].

В непосредственном предшественнике романских языков, в вульгарной латыни, *homo* уже также было основным означаемым, тогда как в классической латыни употреблялось параллельно с синонимичным *vir* «adult male human being» (взрослый человек мужского пола), по сравнению с которым, *homo* «human being» (человек) отличалось определенной гендерной нейтральностью.

Последнее обстоятельство могло оказаться решающим для «отца систематики» Карла Линнея при выборе латинского корня для биологического таксона. В 1735 г. в системе рангов корень появляется в названии рода *Homo* (человек). *Homo sapiens* (человек разумный) – самый известный термин биологической номенклатуры, «человек вообще» как особь, как родовое понятие (в противопоставление другим живым существам на земле). Тем самым шведский ученый дал научный ответ на вопрос, вызвавший споры 11 с половиной столетиями ранее на II Маконском Соборе в 585 году, описанные Григорием Турским в его «Истории франков» [3, 230]. Обсуждавшееся в богословском контексте заявление одного из участников, что «mulierem *hominem* non possevo citare» (нельзя называть жен-

щину *человеком* (*hominem*), в зависимости от лексических ресурсов языка перевода и выбора лексических единиц может отличаться различной степенью женоненавистничества и могло отражать языковую потребность в гиперониме, не имплицитующем биологический род человеческого существа, т.к. во всех случаях, по умолчанию, предидируется мужчина. Среди множества лексотипов, типичных представителей биологических видов, К. Линней не привел лексотип вида *Homo Sapiens*. И только в 1959 году У. Стирн в качестве такового описал самого Линнея [4].

Это, с одной стороны, дань уважения великому ученому, с другой стороны – ответ на вопрос о гендерной природе всех лексотипов.

Развитие корня **gumō-* в германских языках

В отличие от романских языков, которые получили и развили данный корень от *sermo vulgaris*, судя по практически общегерманскому повсеместному не-сохранению его в свободном употреблении, тенденция к архаизации германского протокорня **gumō-* могла быть заложена в протогерманском, так как активная архаизация корня наступила уже на стадии дивергентного развития германских языков.

Особенно наглядно данное положение иллюстрируется на материале языков западной германской подгруппы. Но, как и остальные обще и.е. корни, **dhg'hāmo-*, **dhg'homo-*, перестав быть или так и не став основной номинацией человека, не исчезает бесследно, оставшись в системе языка либо в качестве компонента сложного слова, либо как элемент антропонима (табл. 1).

Таблица 1.

Древний язык	В значении 'мужчина'	Современный язык	В свободном словоупотреблении	В качестве элемента композитивного 'женит'
Old English	guma	English	-	bridegroom
		Scots	gome	
Old Frisian	goma	Frisian	-	
Old Saxon	gomo	-	-	-
Old Dutch	*gomo	Dutch	-	bruidegom
Old High German	gomo	German	-	Bräutigam
Old Norse	gumi	Norwegian	gume	
		Icelandic	gumi	brúðgumi
		Swedish	-	brudgum
		Danish		brudgom
Gothic	guma	-	-	-

Таким образом, в современных германских языках в свободном словоупотреблении корень ограничено функционирует только в потомках древненорвежского – в норвежском и исландском, где является принадлежностью литературного стиля, употребляясь для аллитерационного эффекта.

В словаре Босворта-Толлера *guma* лексикализуется – a man; *vir*, *homo* [5, 490], символично, что оно истолковывается через доминантное *man*, через однокоренное *homo* и с помощью *vir*, с которым оно имеет одинаковые «биологические ритмы» развития и деградации.

В качестве элемента словосложения у данного корня в древнеанглийском был высокий потенциал. У Босворта-Толлера только в качестве препозитивного компонента его валентность

достигает 13. Однако кроме композита со значением 'жених', где он употреблен в качестве постпозитивного компонента, ни в свободном словоупотреблении, ни в составе сложных слов *guma* не удержался в системе языка. Так, был вытеснен заимствованными единицами *nation*, *people* важный термин *gumþeód* 'народ', 'люди'.

Употребительное в древний период *guma* переживает достаточно стремительную архаизацию, обусловленную, возможно, в том числе и тем, что в его семантическом объеме было выражено значение престижности, положительная коннотация, импликация германской, англо-саксонской храбрости, шлейф, которой в условиях изменившейся аксиологической парадигмы мог мешать его функционированию:

*guma*_[man,hero] < *guma*_[man]

1. *guma*² *m* (-n/-n) man, lord, hero
2. *gumcynn*² *n* (-es/-) human race, men, nation
3. *gumcyst*² *f* (-e/-e) excellence, bravery, virtue, liberality; *adv* ~um excellently
4. *gumdréam* *m* (-es/-as) enjoyment of life
5. *gumdryhten* *m* (-dryhtnes/-dryhtnas) lord
6. *gumféða* *m* (-n/-n) troop
7. *gumfréa* *m* (-n/-n) king
8. *gummann* *m* (-es/-menn) man
9. *gumríce*² *n* (-s/-u) kingdom, earth
10. *gumrinc*² *m* (-es/-as) man, warrior
11. *gumstól* *m* (-es/-as) ruler's seat, throne
12. *gumþegen* *m* (-þegnes/-þegnas) man
13. *gumþeód* *f* (-e/-a) folk, people [6].

Уточнить, реконструировать коннотации *guma* до некоторой степени возможно, анализируя его «вклад» в суммарную семантику композитов. Слово *gum-rinc* 'человек', где *rinc* – man poetical term [5, 799], является сочетанием семантически близких слов [man]+[man]=*mani, что не позволяет выводить какую-либо коннотацию корня помимо общенейтральной. Однако анализ сложного слова *gumþegen* с тем же суммарным значением, где постпозитивное *þegen* – 'слуга' (servant), можно представить следующим уравнением:

[man ('s)]+[servant]=*man

Постпозитивный элемент не понижает социальный статус композита. Это может быть следствием того, что его значение нейтрализуется, либо можно полагать достаточно высокую социальность и престижность собственно *gum*-.

Последнее обстоятельство отчасти подтверждается и сложным словом 'трон', 'стул владыки' -*gum-stól* (в словаре Дж. Кларка *gumstól* ruler's seat, throne [6, 140]). Есть и альтернативное мнение по поводу семантики данного слова, у которого, по мнению некоторых, наращивается оценочное значение. М.И. Стеблин-Каменский считает, что лексемы, выступая как первый компонент композита, теряют свое предметное значение и получают значение качественное [7]. Интересно, что подобная особенность отличает и одно из наименований воина-героя, а именно слово *guma*, в таком случае оно может быть истолковано не только как логическое определение (например, *gum-dryhten* 'предводи-

тель воинов'), но и как украшающий, качественный эпитет. По мнению Е.А. Крупиной, *gum-stol* – не «престол воинов», а «славный престол», так как «престол всегда принадлежит конунгу, королю, владыке» [8, 60-61]. На наш взгляд, автор неправомерно подвергает элевации второй компонент сложного слова, переводя его как «престол», а не «стул». Такая переводческая трансформация ведет и к искажению первого элемента и суммарно-го значения композита *gumstól*.

И композитом со значением 'отвага, добродетель' *gumcyst* (excellence, bravery, virtue, liberality). Семантическая элевация отмечена в сумме *gum* + *frêa* король (king), слагаемые *man* и *lord/master*.

Судьба *guma* в английском языке типична для его когнатов в остальных германских языках. Общегерманской следует считать центростремительность сохранения общего для всех языков западной и северной групп композита **brūdiz* + **gumô* 'жених' (древнесаксонское *brudigumo*, древненорвежское *bruðgumi*, древневерхне-немецкое *brutigomo*). Надо отметить, что в восточногерманском готском, как и в остальных древних германских языках, *guma* 'мужчина' активно функционировал, однако в композите со значением 'жених' этот корень не зафиксирован, и готское слово *brupfaps* образовано с помощью рефлекса общегерманского **brūdiz* и общеиндоевропейского **pótis*.

Сопоставление с формами других германских языков и с собственно древнеанглийскими формами позволяет однозначно квалифицировать со-

временную лексему *bridegroom* как искажение *brydguma* 'жених': *bryd* «bride» + *guma* «man» и как не связанную этимологически со словом *groom*. Древнеанглийское *bryd-guma* 'новобрачный, жених' было вытеснено *bride-groom* ввиду того, что форма *guma* 'мужчина' устарела [9, 423]. Это – классический случай народной этимологии, возможно – «шутливое образование, но даже и в этом, последнем, случае происходит не контаминация, а замена одного компонента слова другим, либо как следствие осмысления непонятого слова посредством более понятного, либо намеренно с целью придания более яркого образа композиту» [10].

Об активности корня в германских свидетельствуют анализ собственных имен, содержащих антропоцентрические лексемы. Среди двучленных композитов древнегерманского ономастического материала наряду с *mann-* употребляется и *guma-* (**Guma-rikaz* 'мужем могучий').

Однако сохранению *guma-* в английском языке не помог даже тот факт, что однокоренное ему слово *homme-* – основная номинация «мужчина» во французском языке. Могла иметь место фонетическая аттракция собственно германской и романской лексем, тем более, что в среднеанглийский период в связи с редукцией безударных гласных корень фиксируется в форме *gome*. Однако проникновение родственной и фонетически сходной французской лексемы *homme* не воспрепятствовало архаизации германского когната. При всей неразборчивости и всеядности к заимствованиям любого рода и масштабности заимствований из фран-

цузского языка в данной английской ЛСГ нет романских лексем.

Интересно, что даже такой важный культууроформирующий концепт, как «джентльмен», является полукалькой романского *gentilhomme*, в которой второй элемент замещается германским эквивалентом *man*. В определенный момент раннесреднеанглийские *gentleman* и *gentlehome* различались семантически. Первое обозначало одну из низших ступеней аристократического титула или младшего сына (*standing below an esquire and above a yeoman*) [11, 9]. Символично, что концепт, не являющийся ни собственно германским, ни собственно норманнским, то есть ни унаследованным и ни заимствованным, имеет гибридное происхождение и является сплавом германского и норманнского.

Таким образом, в современном английском языке единственным исконным, а не заимствованным зафиксированным рефлексом данного общеиндоевропейского корня, является *-groom*, выделяемым в составе сложного слова *bridegroom* с эпентетическим неисторичным *-r-*.

Проблемы установления рефлексов корня **dhg'həmo-*/**dhg'homo-* в осетинском языке

В осетинском, насколько нам известно, до настоящего времени рефлекссы о.и.е. корня **dhg'həmo-*, **dhg'homo-* не обсуждались. Данный корень мог изначально не быть представленным в осетинском языке: общеизвестно, что индоевропейские корни неравномерно распределены по различным языкам. Если корень был унаследован от протоязыка, в его семантике, возможно,

не происходила антропонимизация, и семантический сдвиг «земля» > «земной» > «земной человек» не имел место. Либо, возможно, антропонимизированный, он вытеснялся другими лексемами ЛСГ «человек, мужчина» и подвергался элиминации на ранних стадиях развития языка.

В целом, общеиндоевропейский характер корня позволяет провести ревизию словарного фонда осетинского языка с целью поиска его рефлексов.

Так, если персидское *zamin* (earth), *zamindar* 'земля' классифицируется как принадлежащее к данному этимологическому гнезду, сюда следует отнести и осетинское *заман/zaman* 'время', 'пора', 'эпоха', 'эра'. Семантическое развитие могло быть обусловлено единством категорий пространства и времени и представляется достаточно закономерным (например, как в развитии английского *world* – man's age). В «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» (ИЭСОЯ) *zaman* сопоставляется, помимо персидского, также с пехлевийским *zamān*, согдийским **zamān*. Корень *zaman-* есть в тюркских, в ряде кавказских языков: чеченское, ингушское *зāма/zamæn* 'время', 'пора', 'эпоха', абазинское *zamān* [12, 288].

В ИЭСОЯ вслед за Х. Хюбшманом *zaman* названо семитско-иранским словом [13, 69], проникшим в осетинский через тюркское посредничество. Не совсем очевидно, почему оно не могло быть унаследовано предком осетинского языка вместе с общеиндоевропейским лексическим фондом, в таком случае оно могло бы быть результатом самостоятельного развития.

Тем более что, интерпретируя одно-коренное ему *zama* 'беда', 'напасть', В.И. Абаев приходит к выводу, что последнее «отражает параллельную персидскую форму *zamāna* «век», «судьба» (пехлевийское *zamānak*, иранское заимствование в армянский *žamanak*)» [12, 288], то есть развивалось непосредственно в осетинском. В таком случае, у двух паронимов различный статус – заимствованное и исконное, хотя относительно *zama* сказано, что семантическое развитие «время» – «беда» «наметилось уже в персидском через переходное значение «судьба»: «время» – «рок», судьба» – «превратности судьбы», злая судьбина».

gojmag/гоймаг

По принципу фонетического подобия и семантической близости не исключено возведение к общеиндоевропейскому **dhg'həto-* осетинского слова *гоймаг*.

Основное возражение против подобной реконструкции может вызывать качество инициального согласного *g-*, который в осетинском, представителе группы сатем-языков, закономерно должен быть аффрикатой (тохарское А *śom* 'человек', тохарское В *śamuo* 'человек'). Однако известно, сколь нерегулярно (либо с пока еще неустановленной регулярностью) соблюдается изоглосса кентум-сатем. В.И. Абаевым для объяснения случаев ее нарушения был введен термин «перекрестные изоглоссы». Таким образом, если первоначально инициальный согласный в протокорне был не палатовелярным (в реконструируемой форме кластер инициальных согласных **(dh)gh-*, мы не видим противоречия в

развитии данного корня в осетинском языке.

В ряде осетинских слов, предцирующих человека, отмечен элемент *-гоймаг*. Так, в слове *наелгоймаг* 'лицо мужского пола', 'мужчина' – два компонента. Препозитивный *наел-* возводится к иранскому корню со значением «самец», «мужчина». Из двух протоиндоевропейских корней **uiHro* 'freeman' и **hner* 'man' последний считается более престижным, возможно, в силу большей физиологичности первого.

Компонент *наел-* восходит к общеиндоевропейскому **hner* 'man', от которого также греческое *андро* – *>Aner* (ген. Andros) man, male/ *> *aner, ner* vital force, man. Санскритское *nar* и хинди [*nar*] предположительно от киммерийского *Nero-* hero, а латинское *Nero* буквально означает «сильный мужчина», «самец».

Таким образом, развившиеся в результате антропонимизации *Андрей* и *Нерон* отражают дублетное развитие одного о.и.е. корня – в греческом и латинском языках соответственно, и оба являются родственными осетинскому нарицательному *наел*. (*Нарт* под вопросом, дискуссия о его этимологии не завершена.)

Постпозитивный компонент композита *наел-гоймаг* в «Грамматике осетинского языка» классифицируется как суффикс с «ограниченным употреблением. Он встречается только в отыменных существительных» [14, 110]. Признание таких образований суффиксальными производными позволяет не этимологизировать данный компонент, но очевидно,

что сам комплекс *-gojmag/-гоймаг* уже носит производный характер. В таком случае следует считать это либо последовательностью двух суффиксов *-gojm-ag/-гойм-аг*, либо полусуффиксированного *gojm-*, функционирование которого носит единичный характер, и продуктивного полифункционального *-ag*.

Однако есть основания считать *-gojmag* не суффиксом, а элементом словосложения. В.Ф. Миллер, В.И. Абаев называют данный экспонент «второй частью сложного слова» со значением «особа, *личность» [15, 397].

Вероятную модель деривационного развития можно представить в следующем виде: *nælgøjmag > næl+gojmag > gojm+ag > *gojm*.

Абаев в словарной статье *nælgøjmag* сравнивает словообразовательную модель, по которой образовано данное слово, с балкарским *erkek-rəw* ‘мужчина’, в балкарском второй элемент имеет значение «существо». Однако второй элемент осетинского слова *-gojmag* ‘личность’, ‘лицо’, ‘человек’ возводится к элементу *kom* ‘рот’. Для идеосемантики приводится пример грузинского *p’iri, p’irovneba* – ‘личность’ от *p’iri* ‘рот’.

В осетинском одно и то же слово *kom* означает ‘рот’, ‘ущелье’ и ‘острие’, то же в некоторых кавказских языках (абх. *a-c* ‘рот’, ‘острие’, балк. *auz* ‘ущелье’, ‘рот’, ‘острие’).

Таким образом, компаунд *нæлгоймаг* раскладывается на элементы ‘самец’ + ‘уста’ и, по мнению Абаева,

восходит к образованию **næl-kom-ag* ‘мужеустый’ [12, 84].

Такая этимология сопоставима с реконструкциями германского *man*, часто этимологизируемого от протокорня со значением «mind» («ментальный»), «мыслящий» – «человек». В рамках такого подхода мог иметь место вполне закономерный метонимический перенос с соматизма на способность, функциональную особенность: «говорящий» → «человек».

Возражения могут касаться семантики самого *ком*, его значение точнее можно определить как «ротовая полость», а в современном осетинском есть еще слово *дзых* ‘рот’, символизирующий вербальные способности человека. Полагать, что семантика *ком* была шире, нет оснований ни из осетинского, ни из данных других языков, где значения его когнатов варьируются, но объединены архисемой «органы начального участка переднего отдела пищеварительной системы человека» – нёбо, дёсны, глотка. Сам Абаев отмечает, что у слова нет древнеиранских соответствий.

В самом осетинском языке слово являлось активным словообразовательным элементом при образовании более специфичных лексем *кома-рынг* (нёбо), *комыкъул* (внутренняя поверхность щек), *комыдон* (слюна). В ряде сложных слов актуализируется его сема «орган пищеварения», а не «орган речи»: *комбæддан* (начало Великого поста, буквально «завязывание рта»), *комахсан* («заговение, масленица», по В.Миллеру «оберегание рта»), а также слово *комдзаг*

«кус, полный рот». В единичном случае отмечено его употребление в другом значении, слово *комдзог* «доказчик», лицо, уличающее кого-то. В *ægotuŋ*– «немой», в отличие от сложных слов, озвончается инициальный согласный, за исключением озвончения в дигорском, где в исходе корня другой сонорный – *caes-g-on*.

Обращаем внимание, что в словарной статье соответствующего слова в ИЭСОЯ эти слова называются антонимами, образованными по одной словообразовательной модели [12, 195]. Следовательно, и значение *сылгоймаг*, по Абаеву, должно быть выводимо как «*женоустый».

Но, как и в первом случае, автор проводит параллель с балкарским, в котором *tišti-rəw* «женщина» является сложением из *tišti-* «самка» и *rəw* «существо», где семантика второго элемента словосложения соответствует нашим рассуждениям.

Но, с позиций тезиса о резистентности общеиндоевропейских лексем, предцирующих человека, мужчину, можно выдвинуть гипотезу, которая является результатом ангажированного подхода автора к существующим концепциям и предполагать, что второй элемент данных композитов *-gojmag/-гоймаг* – развитие общеиндоевропейского, на настоящем этапе центрального для группы романских языков корня *homo-*. На основании презумпции о сохранности основного словарного фонда, полагаем, что это рефлекс общеиндоевропейского корня.

Предположение об индоевропейском характере этимона второго

элемента и возведение его к **hontto* «мужчина», закономерно усиливает биологичность данного биннома: *наелгоймаг*: буквально «самец-мужчина», лексема мужского рода отличается семантической избыточностью, тавтологичностью, подобно *male-man* абсолютной маскулинностью. Но примеры таких андроцентрических композитов можно найти в других языках (древнеанглийское *vir+man*, коми *коми морт*). Однако, отмеченная выше амбивалентность корня позволяет изменить второй член уравнения, в таком случае слагаются семы «самец+человек». В пользу актуализации менее гендерноспецифической семы при словосложении и парная *naelgojmag* номинация женщины – *сылгоймаг*. В нашей интерпретации: «самка+человек».

В ряде иранских языков подобный звуковой комплекс также встречается в качестве элемента словосложения: в среднеиндийских языках – *mātugāma*— *womenfolk* (женщины), *māuggāma-*; в шинхалезских словах *Māgama woman*, *wife* (женщина, жена), *jangama* *people* (народ, люди) [16, 280; 576].

Оба подхода – признание экспонента суффиксом либо элементом сложного слова – отказывают экспоненту *гоймаг* в статусе отдельного слова. Однако за вторую половину XX и начало XXI века в языке проявилась способность данного слова функционировать самостоятельно, что отражено в лексикографической практике последнего времени. *Гоймаг* лексикализуется как: 1) личность; 2) особа, индивид, лицо, персона. В словаре Н.Я. Габараева: *Адагймагаен йа*

индивидуалондзинад цы миниуджыты æмдзыгуыр æвдисы, уый – личность 2. æхсæнады хицæн адæймаг – отдельный человек в обществе, индивидуум [17, 193], в «Осетинско-русском-английском словаре» – род, существо, человек, being, creature, man [18, 347].

Нам представляется, что реархаизация и реставрация экспонента *gojmag/гоймаг* могла быть языковой реакцией на усилившийся (появившийся?) спрос на гендерно нейтральные лексемы. Уже в качестве таковой *гоймаг* обнаруживает способность к словопроизводству и активно участвует в номинации реалий сегодняшней жизни.

Сохранившееся в системе языка как элемент словосложения *гоймаг* переживает стадию языкового ренессанса, подобно английским *folk*, реставрированному благодаря *folklore*, и деэтимологизировавшемуся элементу сложного слова *were-* который наделяется суммарным значением *were-wolf*.

xūrgom/хургом

В качестве возможного рефлекса корня **dhg'həmo-* в осетинском языке, на наш взгляд, допустимо рассматривать второй компонент слова *хур-гом* – «дом мужа». Сложное слово *xūrgom/хургом* В.И.Абаев этимологизирует как результат словосложения *xūr-* «солнце», «счастье» и второй части *-gom*, которую предлагается сопоставлять с *-gom|gon* в иронском *qūgom>qæwgom* «(пашня) вблизи аула». «Стало быть, *xūrgom* означает буквально «вблизи солнца», «вблизи счастья» [12, 248].

На наш взгляд, подобная метафоричность, не отмеченная при идеосемантическом развитии слов брачно-родственной терминологии, как и в

названиях домов и построек в других языках, снижает доказательность допускаемого объяснения слова как «вблизи солнца» или «у солнца»: «эвфемизм, созданный при переходе к патрилокальной семье и призванный приукрасить новое подчиненное положение женщины». Кроме того, следует уточнить буквальное значение композита, который, в такой редакции, состоит из элементов «солнце-» и «-пашня».

Влед за Абаевым мы также считаем *xūrgom* композитом, т.к. составной характер данной леммы отчетливо просматривается. Однако, на наш взгляд, возможна реинтерпретация корней, составляющих данный композит. Основания предполагать более очевидный набор элементов дает изучение номинации дома родителей жениха/мужа/свекра/свекрови/тестя/невесты в различных языках. В языках, где нет специальной лексической единицы, референт передается дескриптивно, с помощью подчинительного словосочетания соответствующих лексем: испанской *la casa del novio*; итальянское *casa dello sposo*; польское *dom pana młodego*; румынских *casa mirelui* и *casa socrului* «дом свёкра». Может называться с помощью сложных слов, образованных вследствие лексикализации подобных словосочетаний и обладающих достаточно прозрачной семантикой и отдельных элементов, и общего производного значения: венгерское *avőlegényház-* дом жениха; датское *gommenshus*, финское *sulha stalo* «дом жениха», «дом родителей жениха» от *sulho* «суженый» и элемента со значением «место».

В финском имеется также синонимичный приведенному *sulha stalo* ком-

полит *appela* «дом свекра», который квалифицируется как суффиксальное производное корня *appi-*, который как и северносаамское *vuohppa*, и древненевенгерское *ipa* восходят к протоуральскому **appe* и суффикса *-lla*, передающий значение местоположение: «*близко к свекру». Семантически *lla* близко *-gom* в интерпретации Абаева, но финское слово семантически прозрачно, не метафорично, т.к. первый элемент композита обладает прямой референцией «свёкор».

Альтернативным образом можно интерпретировать *хургом*, считая его развитием заимствования из монгольского. «Жених, муж дочери» в монгольском *шинэ* (новый) *хургэн*, и, в таком случае, мог иметь место метонимический перенос – зять – у зятя – дом зятя.

Особенно дискретно данное понятие передается в иранских языках, где число композитов со значением дом родственников по свойственному родству значительно выше, чем в остальных языках. Отмечены несколько компаундов с подобным значением с инвариантным первым компонентом *śvaśura-* и различающимся вторым: *śvaśuraḡhara*, *śvaśuraśālā*, *śvaśurālaya*, *śvaśurāśaya*. Либо с другими корнями в кашмирском *hōhawur*, *hōwur* “wife’s father’s house”, *saüre*, *surjey*, *māwal* mother’s father’s house (from child’s perspective) [17, 576].

При анализе осетинской лексемы допущение о подобном алгоритме деривации, отмеченном во многих языках, позволяет пересмотреть этимологию отдельных корней лексемы *хур-гом*.

Если предположить, что первый элемент имеет значение «дом», то

самая очевидная связь с иранским *ghara* > **ghra* [17, 239]. Рефлексы корня отмечены, по крайней мере, в 18 иранских языках и диалектах в значении «дом», также в значении «пещера», в ягнобском есть слово *xujra-* «комната для младших членов семьи». У данного иранского корня большое деривационное гнездо, выраженная способность к словосложению, интересно, что оно принимает участие и в образовании эквивалентного иранского *śvaśuraḡhara* “wife’s father’s house” – «дом тестя» [17, 739]. Очевидна коррелятивная оппозиция: дом – дом родителей жены, состоящая из немаркированного и маркированного членов оппозиции.

Таким образом, если рассматривать *хургом* как композит, состоящий из корня *хур-* дом, восходящего к иранскому **ghra*, второй элемент *-gom-* можно считать восходящим к общеиндоевропейскому **dhg’hāmo-/*dhg’homo-*, в таком случае, общее значение выводимо как *дом мужа, дом мужчины.

Анализ ряда языков свидетельствует о витальности общеиндоевропейских корней со значением «человек, мужчина», об их способности к мимикрии и фоссилизации. Рассматриваемый корень являлся частью общегерманского лексического фонда, что зафиксировано письменными памятниками, в том числе и английского языка. На современном этапе его рефлекс восстанавливается только в составе композитного образования со значением «жених». Вероятность того, что слово законсервируется в составе сложного слова, высока, т.к. обычно архаизация слова сопровождается повсеместным вытеснением его из свободного словоупотребления,

тогда как в составе композита оно, некогда продуктивное в качестве элемента словосложения, может остаться незамещённым и «окаменеть» в качестве десемантизированного или грамматизированного элемента;

Аналогичным образом, в осетинском языке корень, потеряв способность к самостоятельному употреблению, также мог сохраниться в композитных образованиях, стать словообразовательным элементом.

Показательной является судьба непродуктивного полусуффиксированного *gojmag/-гоймаг*, закрепившегося в качестве постпозитивного элемента слов, предизирующих людей. За последние полвека имела место реставрация его способности к свободному словопотреблению, сопровождающаяся обретением им собственной семантической ниши, наращиванием коллокационных и словообразовательных способностей.

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Ayto J. Dictionary of Word Origins. Bloomsbury, 1999. 582 p.
3. Григорий Турский. История франков / Пер. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 474 с.
4. Stearn W.T. The Background of Linnaeus' Contributions to the Nomenclature and Methods of Systematic Biology // Systematic Zoology. 1959. Vol. 8. No. 2. Pp. 4-22.
5. Bosworth, J. An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth / Ed. T.N. Toller. Oxford: Clarendon Press, 1898. 782 p.
6. Clark-Hall J.R. A Concise Anglo-Saxon Dictionary (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1916. 371 p.
7. Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. Л.: Наука, 1984. 248 с.
8. Крупина Е.А. Словари к древнеанглийской поэме «Беовульф», становление и современное состояние: Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2018. 200 с.
9. Bloomfield L. Language. Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 1994. 566 p.
10. Лаврова Н.А. Контаминация в современном английском языке. М.: Наука, 2012. 208 с.
11. Keen M.H. Origins of the English Gentleman: Heraldry, Chivalry and Gentility in Medieval England, c. 1300 – c. 1500. Tempus, 2002. 192 p.
12. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4 т. Л.: Наука, 1979. Т. III. 358 с.
13. Hubschman H. Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache. Strassburg, 1887. 151 p.
14. Фонетика и морфология // Грамматика осетинского языка. В 2 т. / Под ред. Г.С. Ахвледиани. Орджоникидзе: СОНИИ, 1963. Т. 1. 368 с.

15. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4 т. М.-Л.: Наука, 1973. Т. I. 655 с.
16. Turner R.A. Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages. London: Oxford University Press, 1962-1966. 841 p.
17. Ирон æвзаджы æмбарынгæнæн дзырдут / Ред. Н. Гæбæраты. Дыккаг том. Мæскуы: Наука, 2010. 486 ф. (на осет. яз.)
18. Ирон-уырыссаг-англисаг дзырдут. Осетинско-русско-английский словарь. Ossetic-Russian-English dictionary / Ред. Т.А. Гуриев. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. Т. 1: А-Къ. 530 с.

Gutieva, Elmira T. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); gutieva@list.ru

REFLEXES OF THE COMMON INDO-EUROPEAN ROOT “PERSON, MAN” IN ENGLISH AND OSSETIAN LANGUAGES.

Keywords: *man, person, the Ossetian language, English, etymon, composite.*

*The number of reflexes of the common Indo-European root *dhg'həmo-/ *dhg'homo- “man, man” increases with the depth of diachronic analysis of almost all languages of the Indo-European family of languages. At the earlier stages of their historical development there were more reflexes, with more general semantics, and their derivational potential was higher. Due to a complex of linguistic and extralinguistic reasons, they underwent semantic changes, reduction of lexical compatibility, weakening of connections with cognate words, loss of productivity, and transformation into separate word-forming elements. The root was part of the common Germanic lexical fund, which is recorded in written works of the North and West Germanic languages. It is worthy of special mention, that the preservation of the root in the English language was not facilitated even by the long-term influence of French, a representative of the Romance group of languages, in which the main nomination “man”, “person” are derivatives of this particular root. Borrowing of the French cognates did not take place either. The absence of the visible reflexes of the root at the modern stage does not mean its complete elimination. The root *gumō in English is preserved as part of the composite “bridegroom”, the identification of which is complicated by the epenthetic consonant -r-. Similarly, in the Ossetian language, the root, having lost the ability to be used independently, could also have been preserved in the composite formations. A revision of the words nominating a person, a man, allows us to consider elements preserved in Ossetian composite formations as possible reflexes of the root: (næl)goymag, sylgoymag, fæsgoymag, udgoyma, khurgom. In addition, it seems to us, that there could have been a revitalization of this root, since at the present stage goymag has begun to be used as a gender-neutral unit in the meaning “person, personality”.*

For citation: Gutieva, E.T. Reflexes of the common indo-european root “person, man” in English and Ossetian languages // Izvestiya SOIGSI. 2023. Iss. 50 (89). Pp. 58-71. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.003

References

1. Arutyunova, N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of the human]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1999. 896p.
2. Ayto, J. *Dictionary of Word Origins*. Bloomsbury, 1999. 582 p.
3. Grigorii Tursky. *Istoriya frankov* [The history of the Franks]. Moscow, 1987. 474 p.
4. Stearn, W.T. The Background of Linnaeus' Contributions to the Nomenclature and Methods of Systematic Biology // *Systematic Zoology*. 1959. Vol. 8. No 2. P. 4-22
5. Bosworth, J. *An Anglo-Saxon Dictionary Based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth*. Ed. T.N. Toller. Oxford, 1898. 782 p.
6. Clark-Hall, J.R. *A Concise Anglo-Saxon Dictionary* (2nd ed.). Cambridge University Press, 1916. 371p.
7. Steblin-Kamensky, M.I. *Mir sagi. Stanovlenie literatury* [The world of the saga. The formation of literature]. Leningrad, Nauka, 1984. 248 p.
8. Krupina, E.A. *Slovary k drevneangliiskoi poeme "Beovulf", stanovlenie i sovremennoe sostoyanie* [Dictionaries for the Old English poem "Beowulf", formation and current state]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Nizhny Novgorod, 2018. 200 p.
9. Bloomfield, L. *Language*. Motilal Banarsidass Publ., 1994. 566 p.
10. Lavrova, N.A. *Kontaminatsiya v sovremennom angliiskom yazyke* [Contamination in Modern English]. Moscow, Nauka. 2012. 208 p.
11. Keen, M. *Origins of the English Gentleman: Heraldry, Chivalry and Gentility in Medieval England, C. 1300 – c. 1500*. Tempus, 2002. 192 p.
12. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Leningrad, USSR Academy of sciences, 1979. 358p.
13. Hubschman, N. *Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache*. Strassburg. 1887. 151 p.
14. Akhvlediani, G.S. (ed.). *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and Morphology]. *Grammatika osetinskogo yazyka. V 2 t.* [Grammar of the Ossetian language. In 2 vols]. Ordzhonikidze, North Ossetian Research Institute, 1963, vol. 1. 368 p.
15. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow-Leningrad, Nauka, 1973, vol. I. 655 p.
16. Turner, R.A. *Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages*. London, Oxford University Press, 1962-1966. 841 p.
17. Gæbæraty, N. (ed.). *Iron ævzajy æmbaryngængænæn dzyrduat* [Concise Dictionary of the Ossetian language]. Moscow, Nauka, 2007. 508 p. (in Ossetian)
18. Guriev, T.A. (ed.). *Iron-uyryssag-anglisag dzyrduat. Osetinsko-russko-angliiskii slovar'* [Ossetic-Russian-English dictionary]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2013, vol. 1: A – K". 530 p.